

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПРИ РАЗВИТИИ МНОГОЗНАЧНОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ КОМПОЗИТОВ

О. Б. Полянчук

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 мая 2010 г.

Аннотация: *статья посвящена изучению регулярных закономерностей процесса развития полисемии композитом (комплексным знаком), исследованию регулярных соотношений между исходной и производной семемами. Устанавливается зависимость между моделью семантической деривации и композиционными особенностями семантики композита.*

Ключевые слова: *семемы, производные от комплексного знака, словообразовательная мотивация, композит, модель семантической деривации, комплексный знак.*

Abstract: *the article discusses regulations and correlations between complex signs (composites) and their derivative sememes in polysemantic perspective. The author claims that the prototypical patterns of polysemantic development are largely determined by compositionality of the complex sign.*

Key words: *derivative sememes of a complex sign, word-formation motivation, compositionality of word-formation elements, prototypical patterns of polysemantic development, composites.*

Основная проблема настоящего исследования связана с анализом причин, определяющих взаимосвязь словообразовательной и семантической структуры комплексного знака со способом его семантического развития. Нас интересует, как различные словообразовательные и семантические характеристики комплексного знака (КЗ) претерпевают изменение в процессе развития им многозначности. Под комплексным знаком мы подразумеваем некий «комплекс» из нескольких готовых знаков, их объединение [1, с. 14].

Такой знак в своем собственном значении рассматривается нами в двойном аспекте: с одной стороны, он является результатом словообразовательной деривации или словосложения, с другой – он сам оказывается исходным для семантической деривации. В наших предыдущих работах мы фокусировали наше внимание на производных словах, образованных путем суффиксации и префиксации. В настоящей статье объектом нашего исследования являются композиты. Данный термин выбран неслучайно: мы включаем в него как сложные слова (*casse-cou*), так и номинативные конструкции (*bateau-citerne*) [2]. Тем самым мы хотим подчеркнуть, что, несмотря на то, что оба вида данных конструкций обладают определенной спецификой, и те, и другие представляют для нас интерес именно как *комплексные знаки*. При развитии полисемии они демонстрируют специфические закономерности, связанные с особенностями соотношения компонентов комплексного знака, развивающегося полисемию.

В связи с этим важными для нашего исследования оказываются следующие проблемы: семантико-структурные связи и семантические расхождения, существующие между производящим и производным словом (для композитов – производящими словами), которые особенно отчетливо проявляются при развитии полисемии комплексного знака; закономерности сочетания его компонентов; пути и способы приобретения комплексным знаком новых значений и утраты старых; причины различной реализации семантики составляющих КЗ.

В лингвистических исследованиях последних десятилетий большое внимание уделялось разработке теории регулярного словообразования и словосложения [3–13]. Во многих работах по словообразованию особенно тщательно изучались регулярные словообразовательные значения, а наличие определенной степени идиоматичности производного слова или композита рассматривалось как достаточное основание для его исключения из разряда словообразовательно членимых. Поэтому производные значения многозначных производных и сложных слов в большинстве случаев не были предметом специального анализа.

Однако, на наш взгляд, «след» словообразовательного значения в лексикализованных производных и сложных словах может присутствовать, а анализ степеней его эксплицитности дает возможность выстроить определенную систему, отражающую динамику регулярного соотношения словообразовательного и лексического значений.

В соответствии с гипотезой, разрабатываемой в нашем исследовании, мы проследили следующую взаимосвязь:

тип актуализации семантического признака (модель семантической деривации) определяет словообразовательные параметры комплексного знака, а также особенности его композициональности в производной семеме (ЛСВ2), в частности:

– если семантический признак, актуализирующийся при семантической деривации на базе комплексного знака, соотносится с производящей основой (при деривации) или базисным компонентом (при композиции) исходного значения данного комплексного знака, то в производной семеме сохраняются такие словообразовательные параметры, как частичная мотивированность и присутствие словообразовательного значения в измененном виде. Комплексный знак демонстрирует частичную композициональность (т.е. его идиоматичность оказывается частичной);

– если семантический признак, актуализирующийся при семантической деривации, является результатом переосмысления информации, закрепленной за обоими компонентами словообразовательной структуры исходного значения, в производной семеме релевантна затемненная словообразовательная мотивированность, условный характер словообразовательного значения. В данном случае степень интегративности комплексного знака повышается. Данные положения верифицировались методом концептуального анализа, компонентного анализа, а также методом представления семантической структуры комплексного знака через развернутую синтаксическую структуру [14].

В соответствии с данными положениями нами выявлены два типа развития полисемии для дериватов и композитов (тип 1 и тип 2). Рассмотрим на примерах процесс развития полисемии композитами для типа 1 и типа 2.

Существительное *contre-mine* означает: 1. *Galerie de mine pratiquée pour prévenir une attaque de l'ennemi a la mine explosive* – «встречный подкоп для закладки мины, необходимой для нейтрализации минного подкопа противника», т.е. «мина, направленная против другой мины» (в данном случае *contre* выступает в роли словообразовательного форманта). 2. *Un ruse, dirigé contre le ruse de qqn* – «ответная хитрость», т.е. «хитрость, направленная против хитрости». В данном примере основой метафорического переноса при развитии ЛСВ2 является дополнительный семантический компонент «обман, скрытая хитрость», так как подкоп всегда связан с фактором скрытности и обмана. Данный семантический компонент имплицитно содержится в семантической структуре базисного компонента композита *mine*, что верифицируется методом компонентного анализа.

Что касается семантического компонента *contre*, он сохраняет свое значение в ЛСВ2. Отличие комплексных знаков, развивающих полисемию путем словосложения по отношению к аффиксальным дериватам, связано с тем, что, когда мы говорим о словообразовательном форманте при аффиксальном словообразовании, мы имеем в виду семантический компонент, коррелирующий с данным аффиксом. В случае словосложения – формант является полнозначным словом, эксплицирующим всю совокупность семантики всей лексической единицы, представляющей данный формант. Необходимо отметить, что по данному типу в основном развивают полисемию композиты, первый компонент которых по регулярности значения приближается к префиксу и выполняет функцию словообразовательного форманта. Схема перестройки семемы в данном случае может быть представлена следующим образом:

$$B1 + [B2 + Cp] \rightarrow B1 + [C + B2p] + Sk,$$

где **B** – производящая основа, **C** – сема-основа метафорического переноса, **p** – знак потенциальной семы, [] – заключают семантические компоненты, составляющие производящую основу, претерпевающую переосмысление, **Sk** – компаративная сема.

Приведем пример, иллюстрирующий закономерности, связанные с типом 1 в дискурсе.

«On m'affecta au magasin d'habillement, dans un ancien entrepôt de grains et fourrages. Le *garde-magot*, un simple soldat comme moi était la depuis le début de la guerre» [15, p. 64].

Сложное слово *garde-magot* развивает полисемию, благодаря расширению значения за счет производящей основы *magot*. Исходное значение представляется как «сторож склада фруктов», а производное – «сторож склада». Развитие полисемии путем расширения значения отмечено нами как крайне низкочастотное. Тем не менее, включение данного механизма в описание развития полисемии по типу 1 не противоречит гипотезе исследования, так как в данном случае не меняется схема перестройки семемы.

Что касается семантической маркированности признака-основы перестройки семемы, то мы обнаружили, что для композитов в данном случае наиболее типичной оказывается модель **объект** → **функция объекта**.

Например, существительное *homme-orchestre* означает: 1. *Musicien qui joue simultanément de plusieurs instruments* – «музыкант, играющий одновременно на нескольких инструментах»; 2. *Personne qui accomplit des fonctions divers dans un domaine, une entreprise* – «человек, выполняющий различные функции в какой-либо области, на предприятии».

В данном случае словообразовательным формантом оказывается компонент *homme*, а производящая основа метафоризируется по уже известной нам мо-

дели «объект → функция объекта» (ядерный компонент – «сочетание множества функций»).

Таким образом, при развитии полисемии по данному типу налицо частичная идиоматичность и частичная словообразовательная мотивированность. При этом мы регулярно наблюдаем тот факт, что компонент композита, выполняющий функцию ономаσιологического признака (*homme*), сохраняет свое регулярное значение, а компонент, являющийся ономаσιологическим базисом (*orchestre*), демонстрирует повышение степени идиоматичности. Такое явление связано с тем, что семой-основой переноса при развитии полисемии оказывается компонент, который соотносится лишь с одним (базисным) компонентом исходного значения комплексного знака.

Перейдем к описанию КЗ, развивающих полисемию по типу 2. Семантическое наращение (СН) в данном случае при развитии полисемии не соотносится в данном случае ни с семантической структурой ономаσιологического базиса, ни с семантической структурой ономаσιологического признака: оно находится вне словообразовательной структуры, т.е. вне словообразовательной модели, по которой построено исходное значение.

Например: слово *clin-d'oeil* означает: 1. *Mouvement rapide de la paupière pour faire signe* – «быстрый жест веком, подающий знак» (подмигивание); 2. *Un temps très court* – «короткий промежуток времени». Переосмысление всех компонентов КЗ налицо уже в ЛСВ1, где имеется семантический компонент «быстрый». Именно этот компонент и становится инвариантным при расширении семантемы.

В плане семантической маркированности таких инвариантных компонентов нами обнаружены следующие семантические наращения:

СН, обозначающие признак объекта. Модель семантической деривации в данном случае представлена в самом обобщенном виде:

**объект → положительный признак объекта,
объект → отрицательный признак объекта.**

Такая обобщенность значения модели семантической деривации объясняется отсутствием системных семантических признаков, связанных с наличием у КЗ словообразовательного форманта в виде словообразовательной морфемы (как в случае словообразовательной деривации).

Тем не менее, сложные слова, развивая полисемию по типу 2, демонстрируют закономерности, аналогичные закономерностям, свойственным префиксальным и суффиксальным производным: СН, находясь за пределами словообразовательной структуры, обуславливает исчезновение расчлененного восприятия КЗ, а сам комплексный знак теряет признаки словообразовательного значения. Приведем несколько примеров,

иллюстрирующих развитие полисемии сложными словами по указанной модели.

Существительное *arrière-garde*, построенное по модели (Pr¹ + N)N1, означает: 1. *Partie d'un corps d'armée qui ferme la marche* – «закрывающая часть корпуса армии»; 2. *Ce qui est en retard en évolution* – «то, что отстает в развитии». ЛСВ2 развивается за счет актуализации СН, отражающего результат переосмысления семантики компонентов КЗ в ЛСВ1: отрицательный признак (отсталость).

Существительное *passe-partout*, построенное по модели (V + *adv*)N, имеет несколько ЛСВ, из которых нас интересуют ЛСВ1 и ЛСВ5. ЛСВ1 означает: *clef servant à ouvrir plusieurs serrures* – «ключ, служащий для того, чтобы открывать различные замки» (т.е. подходящий ко всему); ЛСВ5 означает *ce qui convient partout* – «то, что подходит на все случаи».

В данном случае мы имеем дело с положительно маркированным СН, отражающим, как и в предыдущих случаях, результат переосмысления компонентов КЗ. В обоих описанных случаях компонент, характеризующий словообразовательный формант (*arrière, partout*), представлен в ЛСВ2 как переосмысленный (ср. задний – отсталый; везде – всякий случай). В приведенных примерах «след» семантики словообразовательного форманта в производном ЛСВ налицо. В случае с комплексными знаками, представленными композитами, словообразовательные значения вписываются в их категориальные значения из-за отсутствия семантической регулярности словообразовательного форманта. Поэтому переосмысление ЛСВ2 выглядит как отклонение семантики форманта в ЛСВ2 от его семантики в ЛСВ1. Формула перестройки семемы представлена как:

[B1 + B2] + Cp → C + Sk + [B1p + B2p].

Семантическая нерегулярность словообразовательного форманта способствует тому, что СН, актуализирующиеся при развитии полисемии, отличаются многообразием. Нами выявлено несколько типов моделей семантической деривации, которые не характерны, например, для суффиксальных и префиксальных производных типа 2:

объект → сходный по форме объект;
объект → местоположение объекта;
объект → цель объекта;
объект → способ действия объекта;
объект → функция объекта.

Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих эти модели:

1. *Объект → сходный по форме объект*

Существительное *tire-bouchon* (V+N)N означает: 1. *Instrument, formé d'une hélice de métal, qu'on enfonce en tournant dans le bouchon d'une bouteille pour le*

¹ Pr. – предлог (préposition).

tirer – «инструмент, представляющий собой завитки из металла, который вставляется, вращаясь, в пробку, чтобы ее вытащить из бутылки (штопор)»; 2. *Mèche de cheveux frisés en hélice* – «локон, завиток». ЛСВ2 развивается за счет актуализации СН, обозначающего сходство: локон напоминает по форме штопор.

2. *Объект* → *местоположение объекта*

Существительное *bas-fond*, построенное по модели (Adj+N)N, имеет следующие из интересующих нас ЛСВ: 1. *Partie du fond de la mer, d'un fleuve où l'eau est peu profonde par rapport aux points voisins mais où la navigation est praticable* – «участок дна моря, реки, где не так глубоко, как в соседних точках»; 2. *Couches misérables de la société où l'homme se dégrade moralement* – «нищие слои общества, где человек морально деградирует». В данном примере ЛСВ2 базируется на СН «местоположение (дно)» и характеризуется сходством между нищими слоями общества и глубинными слоями воды: оба находятся внизу.

3. *Объект* → *цель объекта*

Существительное *avant-coureur* (модель (Prépos+N)) имеет этимологическое значение *éclairer, avant-courrier* – «разведчик, гонец, бегущий впереди других». Целью такого гонца было быстрее сообщить весть, сведения. Именно этот компонент и стал основой метафорического переноса при возникновении ЛСВ2 – *qui annonce, qui laisse prévoir* – «то / тот, кто предвещает, позволяет предвидеть». Очевидно, что в ЛСВ2 семантика словообразовательного форманта и производящей основы оказывается переосмысленной. В частности, семантика форманта (*avant*), которая и интересует нас в соответствии с целью нашего исследования, представлена в переосмысленном виде (т.е. ее регулярные признаки меняются на индивидуальные, что в полной мере позволяет нам говорить о том, что семантика словообразовательного форманта перестает быть компонентом словообразовательного значения и становится компонентом лексического значения).

4. *Объект* → *способ действия объекта*

Существительное *coupe-cigare* (модель (V+N)N) означает: 1. *Instrument pour couper les bouts des cigares avant de les fumer* – «инструмент для обрезки концов сигар перед курением»; 2. *Guillotine* – «гильотина». ЛСВ2 образуется на основе СН, отражающего способ обрезания сигары (сверху вниз), которое и становится семей-основой метафорического переноса: гильотина похожа на инструмент для обрезки сигар по способу действия.

5. *Объект* → *функция объекта*

Существительное *porte-parole* (модель (V+N)N) означает: 1. *Personne qui prend la parole au nom de qqn d'autre, d'une assemblée, d'un groupe* – «лицо, выступающее с речью (берущее слово) от имени другого лица, группы людей»; 2. *Ce qui représente les idées (de*

qqn) – «то (тот), что представляет мысли кого-либо». СН – основа метафорического переноса, в данном случае – сема, отражающая функцию объекта, способность выражать мысли других.

Необходимо также отметить, что «след» словообразовательного значения при развитии полисемии по типу 2 может либо сохраняться как компонент лексического значения (так как словообразовательное значение не эксплицировано), либо отсутствовать. Приведем несколько примеров, взятых из дискурса, иллюстрирующих это положение:

«Son "avant-scène" roule à droite et à gauche sous la poussée des soupirs: l'indice de haute réprobation» [16, p. 45].

Производный ЛСВ в данном контексте означает «женская грудь большого размера», исходный ЛСВ означает «авансцена». Семантический компонент-основа метафорического переноса в этом случае – признак предмета, «выступающий вперед элемент». Семантика одного из элементов сложного слова сохраняет свой «след» в ЛСВ2 как компонент лексического значения.

В следующих примерах в производных значениях «след» семантики словообразовательного форманта не сохраняется при развитии полисемии:

«Il ne joue ni au type à femme, ni au joueur, ni au grand connaisseur en peinture, ni au casse-cou et pourtant il est tout ça» [16, p. 254].

ЛСВ2 существительного *casse-cou* – «сорвиголова, отчаянный человек», ЛСВ1 – «место, где можно сломать себе шею». СН в данном случае отражает признак ЛСВ 1 «опасность» (отчаянный человек находит опасность).

«Il est tellement grippe-sou. Il n'y en a que pour lui et s'il a l'ordre de nous choyer, voire de vouloir céder à nos caprices, c'est pour mieux encasser et nous tondre à zéro-zéro» [17, p. 194].

Существительное *grippe-sou* имеет ЛСВ2 – «скряга, скупердяй», которое развивается за счет метафоризации на основе ЛСВ1: «тот, кто экономит деньги». СН отражает признак, который может актуализироваться (и актуализируется в нашем примере) – «скупость» (человек, экономящий деньги, часто становится скрягой).

В приведенных примерах семантика, вносимая компонентами сложного слова в исходном значении, не эксплицируется в производном значении.

Таким образом, изучив композиты, развивающие полисемию по типу 2, мы отмечаем, что с позиций их словообразовательного и семантического анализа данные КЗ демонстрируют характеристики, отражающие определенные закономерности. По локальной соотнесенной СН (за пределами словообразовательной структуры) определяется затемненная мотивация комплексного знака в ЛСВ2,

его условная членимость второй степени, значительная идиоматичность, специфическое соотношение словообразовательного и лексического значений, а именно: порог эксплицитности смещается в сторону лексического значения, т.е. исследование переходит со словообразовательного уровня на лексический.

Таким образом, процесс развития полисемии комплексными знаками, представленными композициями разного рода, носит характер закономерности. Словообразовательно-семантические характеристики производных значений таких композитов отражают закономерные процессы, связанные с соотносительностью семантического компонента, актуализирующегося при развитии полисемии с тем или иным элементом словообразовательной структуры исходного значения, а также с его семантическим наполнением. При типе 1 семантика словообразовательного форманта сохраняется как компонент словообразовательного значения, при типе 2 она либо имплицитна (тип 2-), либо сохраняется как компонент лексического значения, приобретая индивидуализированный характер (тип 2+).

В результате статистического подсчета мы обнаружили, что из общего количества исследованных словарных единиц (1500) мы выявили 15 % КЗ, развивающих полисемию по типу 1, 60 % – по типу 2-, когда семантика форманта не сохраняется, и 25 % – по типу 2+, когда «след» семантики форманта сохраняется. В данном случае мы имеем дело с отсутствием словообразовательно-семантической регулярности, так как редко можно отметить факт наличия обобщенной семантики одного из формантов. Поэтому чаще всего оба компонента сложного слова обладают в большей степени индивидуальными характеристиками, что и определяет невысокое процентное соотношение сложных слов, развивающих полисемию по типу 1. Все это, с другой стороны, определяет преимущество того типа переосмысления (2-), при котором в ЛСВ2 нет никакого «следа» семантики словообразовательного форманта (60 %).

25 % композитов, развивающихся по типу 2+, полностью соответствуют словообразовательным моделям, первый компонент которых представлен предлогами, сохраняющими семантическую регулярность. 15 % композитов, развивающих полисемию по типу 1, также в основном имеют изначально подобную словообразовательную структуру. Такие типы сложных слов имеют очень много общего с префиксальными КЗ.

Таким образом, композиты в 15 % случаев сохраняют семантику словообразовательного форманта как

компонента словообразовательного значения, в 25 % случаев – как компонента лексического значения, и в 60 % – «след» семантики словообразовательного форманта не эксплицирован.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е. С. Кубрякова // Изв. АН СССР. – Сер. литературы и языка. – 2002. – Т. 61, № 1. – С. 13–24.
2. Малкина Н. М. Структурные, семантические и ономазиологические характеристики аппозитивных комплексов французского языка / Н. М. Малкина. – Воронеж, 1990. – 85 с.
3. Винокур Г. О. Собрание трудов. Введение в изучение филологических наук / Г. О. Винокур. – М., 2000. – 189 с.
4. Ермакова О. П. Проблемы лексической семантики производных слов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. П. Ермакова. – М., 1977. – 36 с.
5. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 29–42.
6. Лопатникова Н. Н. Характер и степень мотивированности сложных слов в современном французском языке / Н. Н. Лопатникова // Язык и действительность : сб. науч. тр. памяти В. Г. Гака. – М., 2007. – 640 с.
7. Малахова И. А. Структурные модели слов и их системнофункциональные значения / И. А. Малахова // Исследования по французской лексикологии. – М., 1967. – С. 51–67. – (Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. Ленина, № 201).
8. Немченко В. Н. О понятии словообразовательной производности / В. Н. Немченко // Лексика, терминология, стили. – Горький, 1973. – Вып. 2. – С. 24–44.
9. Никитевич В. М. Словообразование и деривационная грамматика : в 2-х ч. / В. М. Никитевич. – Ч. 1 : Словообразование и номинативная деривация. – Алма-Ата, 1978. – 64 с.
10. Степанов Ю. С. Структура французского языка : морфология, словообразование, основы синтаксиса в норме французской речи / Ю. С. Степанов. – М., 1965. – 182 с.
11. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М., 1977. – 156 с.
12. Харитончик З. А. Очерки о языке / З. А. Харитончик. – Минск, 2004. – 367 с.
13. Чинчлей Г. С. Очерки по деривации в современном французском языке / Г. С. Чинчлей. – Кишинев, 1992. – 120 с.
14. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М., 1981. – 200 с.

15. *Guth P.* Le Naïf sous les drapeaux / P. Guth. – Paris, 1954. – 286 p.

16. *Bazin H.* Lève-toi et marche / H. Bazin. – Genève, 1980. – 372 p.

17. *Cendrard B.* Emmène-moi au bout du monde / B. Cendrard. – Paris, 1972. – 288 p.

Воронежский государственный университет

Полянчук О. Б., доцент, доктор филологических наук

E-mail: france@rgph.vsu.ru

Voronezh State University

Polyanchuk O. B., Doctor of Philology Associate Professor

E-mail: france@rgph.vsu.ru